

УДК 81-139
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-700-706

Проблема исследования памяти в лингвистике: междисциплинарный подход

¹Вишнякова О.Д., ¹Липгарт А.А., ²Мартюшова Н.О.

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

²Высшая школа экономики,
Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

E-mail: ol-vish@mail.ru; a_lipgart@mail.ru; nmartyushova@hse.ru

Аннотация. Описано становление memory studies как области знаний, изучающей коллективные представления о прошлом, а также современный этап ее развития. Представлен обзор различных направлений в рамках лингвистики, изучающих феномен «память», рассмотрена возможность применения методов когнитивной лингвистики и дискурсивного анализа в изучении коллективных представлений о прошлом. Лингвистический подход к данной проблематике фокусируется на способности человека с помощью языка формировать и передавать знания о прошлом последующим поколениям, а также на характере взаимосвязей мыслительных образов прошлого с особенностями их вербальной репрезентации на разных этапах развития общества и языка.

Ключевые слова: память, лингвистика, memory studies, междисциплинарный подход

Для цитирования: Вишнякова О.Д., Липгарт А.А., Мартюшова Н.О. 2022. Проблема исследования памяти в лингвистике: междисциплинарный подход. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 700–706. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-700-706

The Study of Memory in Linguistics: An Interdisciplinary Approach

¹Olga D. Vishnyakova, ¹Andrew A. Lipgart, ²Natalia O. Martyushova

¹ Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russian;

²Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St, Moscow 101000, Russia

E-mail: ol-vish@mail.ru; a_lipgart@mail.ru; nmartyushova@hse.ru

Abstract. The paper examines the major issues concerning the studies of memory in linguistics and their role in the transdisciplinary field named “memory studies”. The study outlines the stages, which shaped memory studies as a new discipline, concentrating on collective memories about the past, as well as discusses a number of approaches to the analysis of the phenomenon in question in linguistics. The research deals with the possibility of the methods of cognitive linguistics and discourse analysis application to explore collective representations of the past, along with other approaches. The linguistic approach to this problem focuses on the human’s ability to form and transmit knowledge about the past to further generations, as well as on the nature of the relationship between mental images of the past with their verbal representation peculiarities at different stages of the society and language development.

Key words: memory, linguistics, memory studies, interdisciplinary approach

For citation: Vishnyakova O.D., Lipgart A.A., Martyushova N.O. 2022. The Study of Memory in Linguistics: An Interdisciplinary Approach. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 700–706 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-700-706

Введение

Память как способ конструирования прошлого становится ключевым объектом изучения, начиная с 80-х гг. XX века, объединяя ученых различных гуманитарных и социальных дисциплин. Однако, если мы обратимся к исследованиям памяти в лингвистике, то обнаружим, что они не охватывают круг проблем, связанных с коллективными представлениями о прошлом и способами их конструирования, а сосредотачиваются на изучении речевосприятия, речепроизводства, индивидуальной памяти и ее вербальной репрезентации. В данном исследовании мы определим основные проблемы, связанные с изучением памяти в лингвистике, а также место, которое занимают лингвистические исследования феномена «память» в *memory studies*.

Немецкий египтолог Ян Ассман [2004, с. 11] в книге «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в культурах древности» писал: «По всем признакам похоже, что вокруг понятия воспоминание складывается новая парадигма наук о культуре, благодаря которой разнообразнейшие феномены и области культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – предстают в новом контексте». А знаменитый французский историк Пьер Нора [2005, с. 391] говорит о том, что «мы живем в эпоху всемирного торжества памяти». Мемориальный бум, начавшийся в 1980-х гг., обозначил новое направление исследований – *memory studies*, объединившее ученых – историков, социологов, искусствоведов, философов, психологов, филологов и др., изучающих память, коллективные представления о прошлом и способы конструирования прошлого.

К причинам мемориального бума сегодня относят:

– *социальные причины*, в частности, по мнению Я. Османа [2004, с. 11–12], уход поколения, являвшегося свидетелем трагических событий истории, и необходимость создания обществом «культурных форм памяти прошлым», так как «живое воспоминание» может исчезнуть; П. Нора [2005] относит к социальным причинам всплеска интереса к проблемам памяти – «ускорение истории» (процесс доминирования памяти над историей) и «деколонизацию» (появление необходимости создания собственной идентичности через обращение к прошлому);

– *влияние технической революции* (развитие электронных медиа, массмедиа, социальных сетей и их влияние на коллективные представления о прошлом).

Институционализация целого направления *memory studies*, объединяющего подходы и методы различных гуманитарных и социальных дисциплин для изучения понятия «память», создание специализированных журналов и курсов вызвали волну критики среди ученых [Zelizer, 1995; Confino, 1997; Kansteiner, 2002], пессимистично относившихся к будущему *memory studies* как отдельной научной дисциплины. Ученые указывали на междисциплинарность исследований памяти и поэтому говорили о неопределенности основных терминов, например, «коллективной памяти», разнообразии интерпретаций, объектов и предметов исследований, отсутствии собственной выработанной методологии и терминологического аппарата. Дж. Олик [Olick, 2009] в статье «Между хаосом и разнообразием: являются ли исследования памяти полем?» говорит о том, что за разнообразием подходов, взглядов и методов трудно увидеть, что же такое направление *memory studies* и где находятся его границы. Междисциплинарность данного направления лишь сделала его более неопределенным, фрагментарным и ставила под сомнение его существование как отдельного устойчивого исследовательского поля.

Таким образом, несмотря на кризис *memory studies*, начавшийся в середине 1990-х гг. и выразившийся в критике данного направления различными учеными, процесс институционализации продолжается, и появление журналов (*Memory Studies*, 2008 г.), учреждение ассоциаций исследователей (*The Memory Studies Association* с 2016 г.) ускоряет процесс становления *memory studies* как отдельного направления гуманитарного знания.

Исследования памяти в лингвистике

Способность человека с помощью языка формировать и передавать знания о прошлом и воспоминания о нем интересовала прежде всего ученых лингвистов, которые в своих исследованиях рассматривали то, каким образом связаны мысленные образы прошлого с их вербальной репрезентацией: «Процесс воспоминания есть собственно процесс мыслительный: образы прошлого были бы хаотичны и бессмысленны, если бы их не соединял воедино разум. Это находит свое отражение в языке» [Дмитровская, 1991, с. 83]. Знания и представления общества отражены в языке и передаются с помощью языковых знаков [Прохорова и др., 2012]. Одно и то же событие может быть по-разному вербализовано, что впоследствии влияет и на то, как событие запоминают и затем припоминают. Так, например, одно и то же событие можно описать как «попытку самозащиты» или же как «нападение на незащищенных граждан» [Hart, 2014, с. 171–172]. Таким образом, речевое воплощение будет влиять на то, как мы будем вспоминать и оценивать произошедшее. Язык как продукт культуры является и ее важнейшей составляющей, и инструментом ее формирования. Влияние языка на память также отражает и культурное измерение памяти. Языковой знак, в свою очередь, несет «в своей содержательной структуре целый ряд актуальных и потенциально значимых в культурном отношении характеристик, способных к актуализации в соответствии с возникающими потребностями данного языкового коллектива» [Вишнякова, 2015, с. 64].

Понятие «память» имеет множество определений, например, когнитивные психологи понимают его как «способность живой системы фиксировать факт взаимодействия со средой (внешней или внутренней), сохранять результат этого взаимодействия в форме опыта и использовать его в поведении» [Когнитивная психология, 2002, с.79]. Разнообразие и неопределенность толкования феномена «память» с точки зрения различных дисциплин и областей исследований привело к тому, что исследователями по-разному выделяются и различные типы памяти.

Исследования, посвященные связи языка и памяти, можно разделить на две группы [Echterhoff, 2008, с. 264]: в первую группу входят работы, в которых рассматривается возможность языка влиять на формирование представлений о прошлом, памяти. В рамках данного подхода центральное место занимает понятие «память» и то, каким образом она выражается и формируется с помощью языковых единиц. Второй подход предлагает рассматривать то, как память (или представления о прошлом) может повлиять на язык. В данном случае фокус исследования смещается с понятия «память» на язык. Необходимо также принимать во внимание, что память представляет собой когнитивную способность человека, что роднит ее с языком, и для того, чтобы изучить процессы мышления и памяти, следует обратиться к исследованию языка.

К первому подходу относятся, в частности, исследования вербального затенения (*verbal overshadowing*), которые связаны с тем, как на формирование представлений о прошлом (память) влияет речевое описание события, или понятия, которые трудно вербализовать языковыми средствами [Schooler et al., 1997].

Язык в рамках первого подхода выступает инструментом формирования представлений о прошлом. Разные способы вербализации способствуют появлению разных интерпретаций прошлого. Так, например, использование более абстрактных и обобщенных формулировок по отношению к событию, не вызывающему одобрения (*Person X is aggressive*), приводит к тому, что данное событие активнее осуждается и критикуется сообществом и воспринимается только как негативное, в то время как использование более конкретных языковых единиц, точно описывающих событие или действие (*Person X shouted at Y*), не имеет такого выраженного эффекта неодобрения или возмущения [Semin, Fiedler, 1992].

Использование некоторых лексических единиц может повлиять на восприятие сообщения его получателем. Как показал эксперимент, если свидетелям какого-либо события заранее задать определенные установки, выраженные некоторыми лексическими единицами, они могут повлиять на их воспоминания о событии или даже изменить их.

Использование определенного или неопределенного артикля для обозначения существования или присутствия описываемого объекта в рамках события может послужить характерным примером: “Did you see the motorcycle?” или “Did you see a motorcycle?”. Те свидетели, кому был задан первый вопрос, по ошибке считали, что видели этот предмет во время развития события [Echterhoff, 2008, с. 270].

Можно также выделить следующие основные направления, которые существуют в рамках изучения феномена «память»: психолингвистический и дискурсивный. Психолингвистический подход долгое время являлся ведущим в лингвистических исследованиях памяти, однако с конца 1990-х гг. начинается поворот в сторону дискурсивного подхода к исследованию памяти, который сосредоточен на анализе нарративов и дискурса. Данные подходы имеют междисциплинарный характер и чаще всего концентрируются на исследованиях индивидуальной памяти человека, психических процессов обработки информации, кодирования и ее воспроизведения.

В основе данных психолингвистических исследований лежит экспериментальный метод, который проводится с информантами в условиях, смоделированных самим исследователем, исходя из цели и проблематики своей работы, а память рассматривается в качестве одной из когнитивных функций человека.

Основной интерес для психолингвистов представляет изучение процессов, связанных с работой механизма памяти: процесс понимания и порождения речи, обработки языковых данных и усвоение языковых единиц.

Ряд исследований психолингвистов был посвящен изучению различных видов памяти: кратковременной и долговременной, и их функционированию при дословном запоминании и воспроизведении в дальнейшем языкового материала. Было выявлено, что высокая интерактивность способствует дословному воспроизведению языкового материала, а знаменательные части речи запоминаются лучше, чем служебные [Nilsson, 2000].

Таким образом, психолингвистический подход к исследованию феномена «память» позволил выявить и проанализировать основные механизмы, участвующие в производстве языковых единиц и в процессе обработки информации, а также разработать стратегии и тактики запоминания языкового материала и его последующего воспроизведения. В рамках данного подхода издается периодическое издание *Journal of Memory and Language*, которое сосредоточено на изучении связи языка и психических процессов, памяти и мышления.

В рамках дискурсивного подхода к исследованию памяти термин «память» определяется лингвистами как когнитивно-ментальная деятельность человека, осуществляющая обработку и интерпретацию индивидуального опыта человека, результат которой представлен в вербальной форме. Дискурс, порожденный вследствие такого рода деятельности, представляет собой форму языковой репрезентации личного опыта и событий прошлого, а термин «нарратив» определяется как способ вербализации личного опыта и рассматривается учеными как единица дискурса, в то время как память рассматривается как категория, лежащая в основе многообразия нарративов, объединенных мемориальной тематикой.

Обычно исследования в рамках дискурсивного подхода ориентированы на память индивидуальную, автобиографическую и посвящены проблемам вербализации автобиографической памяти и культурной идентичности. Изучая феномен памяти в терминах дискурсивного подхода, ученые приходят к выводу, что в зависимости от внешних факторов форма и содержание личных воспоминаний могут трансформироваться. Так, например, К. Нельсон [Nelson, 2003] заключает, что языковое выражение воспоминаний определяется коммуникативной ситуацией и подвергается изменениям в зависимости от ситуации нарративного акта. Персональная, автобиографическая память функционально и структурно связана с использованием культурных мифов и культурных нарративов сообщества. Именно они будут задавать направление персональному нарративу, определять его функции и форму. К факторам, влияющим на структуру и содержание личных воспоминаний, относят факторы экстралингвистические (культура, социальные роли и др.). Схожие

выводы можно найти в работе Ш. Линд [Linde, 1993], которая в результате изучения индивидуальных/персональных нарративов, обнаруживает, что персональный нарратив в большей степени конструктивный социальный, нежели индивидуальный, и регулируется, задается жесткими рамками самого общества и культурными требованиями, прежде всего. В дальнейшей перспективе исследования в рамках дискурсивного подхода, по мнению ученых, будут сосредоточены не только на социальных факторах, влияющих на личные воспоминания, но также и на личностных, когнитивных и др.

В дискурсивном подходе также рассматриваются и коллективные представления о прошлом, представляющие языковое выражение воспоминаний множественных субъектов. Для этой цели исследуются различные дискурсивные практики и основные способы конструирования дискурса в рамках критического дискурс анализа. К примеру, М. Рейзигль [Reisigl, 2009] рассматривает функционирование различных риторических фигур, тропов и определяет их как основные единицы, необходимые при создании и закреплении группового нарратива. Таким образом, исследования в рамках критического дискурс анализа сосредотачиваются на изучении проблематики групповой, коллективной идентичности, а также коллективных представлений о прошлом, их конструирования и вербализации. Целью данного направления является анализ концептуальных эффектов, которые обусловлены выбором определенных языковых средств, что позволяет наиболее полно рассмотреть, как воспринимают и идентифицируют себя большие сообщества.

Заключение

Рассмотренные исследования феномена «память» в области лингвистики не охватывают круг проблем, связанных с коллективными представлениями о прошлом и способами их конструирования. Представленные работы ученых в рамках как психолингвистического, так и дискурсивного подходов сосредотачивают свое внимание на памяти индивидуальной и автобиографической, что, на наш взгляд, значительно сужает исследуемую проблематику. Исследования памяти в лингвистике фрагментарны, чаще всего они затрагивают какую-либо определенную область (речевосприятие, речеобразование, индивидуальную память и ее вербальную репрезентацию) и не предлагают широкого охвата феномена памяти.

Если принять во внимание тот факт, что между лингвистической и социальной структурами есть связь, а в языке отражаются представления о мире и опыт человека, то изучение дискурсивных практик, фиксирующих представления о коллективном прошлом, представляется нам перспективным направлением, которое поможет понять, как происходит процесс конструирования и навязывания представлений о прошлом. Применение данного подхода к исследованию феномена памяти в рамках когнитивных исследований в лингвистике, а также дальнейшее развитие анализа в терминах функционального направления, позволят охватить не только специфику языкового воплощения коллективных представлений о прошлом, но также социальное и культурное измерения, что даст возможность наиболее полно изучить процессы восприятия прошлого человеческих сообществ и понимания ими настоящего.

Список литературы

- Ассман Я. 2004. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Перевод с немецкого. М.М. Сокольской. М., Языки славянской культуры, 368 с. (Assman J. 1992. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Beck, München, 344 s.)
- Вишнякова О.Д. 2015. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума. Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 4: 50–66.
- Дмитровская М.А. 1991. Философия памяти. В кн.: Логический анализ языка. Культурные концепты. Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., Наука: 78–85.
- Когнитивная психология. 2002. Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М., ПЕР СЭ, 480 с.

- Нора П. 2005. Всемирное торжество памяти. Перевод с французского. В кн.: Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Под ред. М. Габовича. М., Новое литературное обозрение: 391–402. (Nora P. 2002. L'avènement mondial de la mémoire, Transit, 22 p.)
- Прохорова О.Н., Чекулай И.В., Багана Ж., Куприева И.А., Сапронова Е.А. 2012. Отражение процесса познания в языке: в поисках концептуальных оснований. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 24(143)-16: 104–110.
- Confino A. 1997. Collective memory and cultural history: Problems of method. *American Historical Review*, 102(5): 1386–1403. DOI: 10.2307/2171069
- Echterhoff G. 2008. Language and Memory: Social and Cognitive Processes. In: *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. Eds. A. Erll, A. Nünning. Berlin, N.Y., De Gruyter: 263–274.
- Hart C. 2014. Construal operations in online press reports of political protests. In: *Contemporary critical discourse studies*. Eds. C. Hart, P. Cap. London, N.Y., Bloomsbury: 167–188.
- Kansteiner W. 2002. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and theory*, 41(2): 179–197. DOI: 10.1111/0018-2656.00198
- Linde Ch. 1993. *Life Stories: The Creation of Coherence*. Oxford, N.Y., Oxford University Press, 256 p.
- Nelson K. 2003. Self and social functions: Individual autobiographical memory and collective narrative. *Memory*, 11(2), 125–136. DOI: 10.1080/741938203
- Nilsson L.-G. 2000. Remembering Actions and Words. In: *The Oxford Handbook of Memory*. Eds. E. Tulving, F.I.M. Craik. Oxford, Oxford University Press: 137–148.
- Olick J. K. 2009. Between chaos and diversity: Is social memory studies a field? *International journal of politics, culture and society*, 22(2): 249–252. DOI: 10.1007/s10767-009-9059-7
- Reisigl M. 2009. Spoken Silence – Bridging Breaks. The Discursive Construction of Historical Continuities and Turning Points in Austrian Commemorative Speeches by Rhetorical Tropes. In: *Justice and Memory. Confronting traumatic pasts. An international comparison*. Eds. R. Vodak, G. Auer Boreo. Vienna, Passagen Verlag: 213–240.
- Schooler J.W., Fiore S.M., Brandimonte M. A. 1997. At a loss from words: Verbal overshadowing of perceptual memories. In: *The psychology of learning and motivation*. Vol. 37. Ed. D.L. Medin. London, Academic Press: 291–340.
- Semin G.R., Fiedler K. 1992. The inferential properties of interpersonal verbs. In: *Language, interaction and social cognition*. Eds. G.R. Semin, K. Fiedler. London, Sage Publications: 58–78.
- Zelizer B. 1995. Reading the past against the grain: The shape of memory studies. Ed. L. Steiner. *Critical Studies in Mass Communication*. Vol. 12, 2: 213–239. DOI: 10.1080/15295039509366932

References

- Assman Ya. 2004. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Translation from German. M.M. Sokol'skaya. M., Publ. Yazyki slavyanskoy kul'tury, 368 p. (Assman J. 1992. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. Beck, München, 344 s.)
- Vishnyakova O.D. 2015. The language sign in the referential field of the cultural memory of society. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4: 50–66 (in Russia).
- Dmitrovskaya M.A. 1991. Filosofiya pamyati [Philosophy of memory]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty* [Logical Analysis of Language. cultural concepts]. Ed. N.D. Arutyunova. M., Publ. Nauka: 78–85.
- Kognitivnaya psikhologiya [Cognitive psychology]. 2002. Ed. V.N. Druzhinin, D.V. Ushakov. M., Publ. PER SE, 480 p.
- Nora P. 2005. Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World Commemoration]. Translation from French. In: *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*. Ed. M. Gabovich. M., Publ. Novoe literaturnoe obozrenie: 391–402. (Nora P. 2002. L'avènement mondial de la mémoire, Transit, 22 p.)
- Prokhorova O.N., Chekulay I.V., Bagana Zh., Kuprieva I.A., Sapronova E.A. 2012. Otrazhenie protsessy poznaniya v yazyke: v poiskakh kontseptual'nykh osnovaniy [Reflection of the process of cognition in language: in search of conceptual foundations]. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 24(143), Issue. 16: 104–110.

- Confino A. 1997. Collective memory and cultural history: Problems of method. *American Historical Review*, 102(5): 1386–1403. DOI: 10.2307/2171069
- Echterhoff G. 2008. Language and Memory: Social and Cognitive Processes. In: *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. Eds. A. Erll, A. Nünning. Berlin, N.Y., De Gruyter: 263–274.
- Hart C. 2014. Construal operations in online press reports of political protests. In: *Contemporary critical discourse studies*. Eds. C. Hart, P. Cap. London, N.Y., Bloomsbury: 167–188.
- Kansteiner W. 2002. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and theory*, 41(2): 179–197. DOI: 10.1111/0018-2656.00198
- Linde Ch. 1993. *Life Stories: The Creation of Coherence*. Oxford, N.Y., Oxford University Press, 256 p.
- Nelson K. 2003. Self and social functions: Individual autobiographical memory and collective narrative. *Memory*, 11(2), 125–136. DOI: 10.1080/741938203
- Nilsson L.-G. 2000. Remembering Actions and Words. In: *The Oxford Handbook of Memory*. Eds. E. Tulving, F.I.M. Craik. Oxford, Oxford University Press: 137–148.
- Olick J. K. 2009. Between chaos and diversity: Is social memory studies a field? *International journal of politics, culture and society*, 22(2): 249–252. DOI: 10.1007/s10767-009-9059-7
- Reisigl M. 2009. Spoken Silence – Bridging Breaks. The Discursive Construction of Historical Continuities and Turning Points in Austrian Commemorative Speeches by Rhetorical Tropes. In: *Justice and Memory. Confronting traumatic pasts. An international comparison*. Eds. R. Vodak, G. Auer Boreo. Vienna, Passagen Verlag: 213–240.
- Schooler J.W., Fiore S.M., Brandimonte M. A. 1997. At a loss from words: Verbal overshadowing of perceptual memories. In: *The psychology of learning and motivation*. Vol. 37. Ed. D.L. Medin. London, Academic Press: 291–340.
- Semin G.R., Fiedler K. 1992. The inferential properties of interpersonal verbs. In: *Language, interaction and social cognition*. Eds. G.R. Semin, K. Fiedler. London, Sage Publications: 58–78.
- Zelizer B. 1995. Reading the past against the grain: The shape of memory studies. Ed. L. Steiner. *Critical Studies in Mass Communication*. Vol. 12, 2: 213–239. DOI: 10.1080/15295039509366932

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.10.2022.

Received October 19, 2022.

Поступила после рецензирования 20.11.2022.

Revised November 20, 2022.

Принята к публикации 05.12.2022.

Accepted December 5, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Вишнякова Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Липгарт Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Andrey A. Lipgart, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Мартюшова Нагалья Олеговна, аспирант Школы по филологическим наукам, преподаватель, Высшая школа экономики, г. Москва, Россия

Natalya O. Martyushova, post-graduate student of the School of Philological Sciences, lecturer, Higher School of Economics, Moscow, Russia